

УДК 82.0

ББК 83.00

К 95

Кучменко М.А.

Учитель русского языка МБОУ СОШ №4 в ст. Гиагинская, соискатель кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: m_kuchmenko_06@mail.ru

**Интертекстуальность как воплощение идеи «смерти автора»
в литературе постмодернизма
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается проблема взаимосвязи концепции интертекстуальности и теории «смерти автора», приводятся примеры различных видов интертекстуальных связей, существующие точки зрения на механизмы взаимодействия между текстами. Делается вывод о том, что интертекстуальность формирует сложный механизм перевода внетекстовой реальности в текст.

Ключевые слова:

Постмодернизм, интертекст, интертекстуальность, «смерть автора», структура текста.

Kuchmenko M.A.

Teacher of Russian in the secondary school No.4 in the settlement of Giaginskaya, Competitor of the Department of Literature and Journalism, Adyghe State University, e-mail: m_kuchmenko_06@mail.ru

**Intertextuality as the embodiment of the idea
of «Death of the Author» in the literature of postmodernism**

Abstract:

The paper discusses the relationship of the concept of intertextuality and the theory of «Death of the Author». The author gives examples of different kinds of intertextual links and existing points of view on the mechanisms of interaction between the texts. A conclusion is drawn that intertextuality forms a complex mechanism of transfer of extra-textual reality into the text.

Keywords:

Postmodernism, intertext, intertextuality, «Death of the Author», the structure of the text.

Интертекстуальность (тесно связанная с концепцией «смерти автора») – один из главных приёмов постмодернистской поэтики. Интертекстуальность – термин, введённый в 1967 году теоретиком постмодернизма Ю. Кристевой для обозначения общего свойства текстов, выра-

жающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга. Через призму интертекстуальности мир предстаёт как огромный текст, в котором всё когда-то было сказано, а но-

вое возможно только по принципу калейдоскопа: смешение определённых элементов даёт новые комбинации.

Для теоретиков и создателей постмодернистской философии и эстетики концепция интертекстуальности тесным образом связана с теориями «смерти субъекта» М. Фуко и «смерти автора» Р. Барта. По мнению Р. Барта, игра с цитатами «не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитаций, даваемых без кавычек» [1: 233]. Иными словами, автору только кажется, что творит он сам, на самом же деле это сама культура творит посредством него, используя как своё орудие. «... механизм действия всех интертекстуальных элементов одинаков: эксплицитный фрагмент в тексте и имплицитно связанные с ним ассоциации. Будучи автономными смысловыми блоками, они актуализируют значимую для читателя информацию, апеллируя к его памяти, интеллекту, культуре, жизненному опыту» [2].

В отечественном литературоведении мысль о глубинной генетической связи между различными произведениями высказывал А. Н. Веселовский. В своих работах он говорит о том, что фантазия художника нередко обращается к известным поэтическим образам, мотивам, сюжетам, осваивая их по - новому. В этом смысле многие литературоведы считают этапным появление русского формализма. Как отмечает французский исследователь Н. Пьеге – Гро, в работах русских формалистов «если ещё не встаёт вопрос об интертекстуальности, то место, отводимое пародии..., отчасти предвосхищает её» [3: 68]. Представители формалистической школы утверждали, что движущей силой эволюционных изменений являются отношения между произведениями. «Не пародия только, но и всякое вообще произведение искусства создаётся как парал-

лель и противопоставление какому-либо образцу» [4: 32]. Модернизация художественной формы сопоставляется Б. Томашевским с цитированием: «Подновление приёма аналогично употреблению цитаты из старого автора в новом применении и с новым значением» [5: 206].

Программными в области исследования данной проблемы нам видятся разработки М. Бахтина. В статье «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», опубликованной в 1924 г., нашли отражение основные постулаты эстетической теории М. Бахтина, который был убеждён, что каждое новое «слово» в искусстве – очередная реплика диалога: «Та или иная возможная или фактически наличная творческая точка зрения становится убедительно нужной и необходимой лишь в соотнесении с другими точками зрения: лишь там, где на их границах рождается существенная нужда в ней, в её творческом своеобразии, находит она своё прочное обоснование и оправдание» [5]. Важным, по – мнению Бахтина, является значение границы. Исследователь считает, что культурная область «вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент её» [6].

Это утверждение перекликается с трактовкой границы между разными типами культур Ю. Лотмана в его учении о семиосфере: «Граница – механизм перевода текстов чужой семиотики на язык «нашей», место трансформации «внешнего» во «внутреннее» [7: 262]. В работах Ю. Лотмана текст рассматривается не как замкнутая и статичная структура, а как открытая и динамичная система, способная наращивать дополнительные смыслы в результате взаимодействия с другими системами. Проблема межтекстовых связей рассматривается и как вопрос о фрагментарном присутствии одного текста в другом в виде цитаты или упоминания. «Типичным случаем вторжения чужого текста является «текст в тексте»: обломок

текста, вырванный из своих естественных смысловых связей, механически вносится в другое смысловое пространство...» [7: 66]. Вторжение иначе закодированного фрагмента равнозначно для Ю. Лотмана «переключению из одной системы семиотического осознания текста в другую» [7: 66]. И это, в итоге, составляет «основу генерирования смысла» [7: 66].

Несмотря на то, что в позициях М. Бахтина и Ю. Лотмана видна ощутимая разница методологических установок и научных подходов, их выводы относительно функционирования межтекстовых связей во многом похожи: акцентируется их роль в литературной эволюции, возможной в процессе диалога.

Таким образом, пользуясь терминами постмодернизма, игру «масками» прошлого в современном искусстве можно объяснить перекодированием: сохраняя связь с определённым культурным кодом (тип сознания, эпоха, стиль, конкретное произведение), художественный образ обретает новое содержание, вписывается в новый культурный код: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [1: 207].

Цитатность как метод базируется на главном принципе постмодернистской эстетики – переосмыслении. Постмодернисты пытаются переосмыслить старые догматы, наполнить старые истины новым содержанием, более соответствующим современной жизни. С помощью интертекстуальности создаётся новая реаль-

ность и принципиально новый, «другой», язык культуры. Художественный текст становится качественно иным.

Интертекстуальность может быть отсылкой к другому литературному произведению, сравнением с ним, может провоцировать его пространное обсуждение или же заимствовать стиль. В постмодернистской литературе большую роль играют отсылки к сказкам и мифам (произведения М. Этвуд, Д. Бартельми и др.), а также популярным жанрам, таким, как научная фантастика или детектив. Ранним обращением к интертекстуальности в XX веке, повлиявшим впоследствии на постмодернистов, является рассказ «Пьер Менар, автор Дон Кихота» Борхеса, главный герой которого переписывает «Дон Кихота» Сервантеса – книгу, которая, в свою очередь, восходит к традиции средневековых романов. «Дон Кихот» часто используется у представителей постмодернизма (например роман К. Акер «Don Quixote: Which Was a Dream»).

Другой пример интертекстуальности в постмодернизме – это «Торговец туманом» Д. Барта, отсылающий к одноимённому стихотворению Э. Кука. Часто интертекстуальность принимает более сложную форму, чем единичная отсылка к другому тексту. «Пиноккио в Венеции» Р. Кувера соединяет Пиноккио со «Смертью в Венеции» Т. Мана. «Имя розы» У. Эко принимает более сложную форму детективного романа и отсылает к текстам Аристотеля, А. Конана Дойля и Борхеса.

Таким образом, интертекстуальность формирует сложный механизм перевода внетекстовой реальности в текст. Перед нами уже не нечто законченное, обладающее смысловым единством, целостное, принадлежащее определённому автору, а именно текст как динамичный процесс порождения смыслов, многоликий и принципиально «вторичный», не имеющий автора в привычном для нас представлении.

Примечания:

1. Барт Р. Избранные работы: семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 615 с.
2. Соколова Г.В. Интертекстуальность как аспект активации эффективности и действенности публицистического текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2009. Вып. 3. С. 62-65.
3. Пьеге – Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
4. Шкловский В. О теории прозы. М.: Сов. писатель, 1983. 94 с.
5. Томашевский Б. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996. 333 с.
6. Бахтин М. Проблема материала, содержания и формы в словесном художественном творчестве. URL: <http://www.gumer.info/authors>.
7. Лотман Ю. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.

References:

1. Barthes R. Selected works: semiotics. Poetics. M.: Progress, 1989. 615 pp.
2. Sokolova G.V. Intertextuality as an aspect of activation of efficiency and effectiveness of the publicistic text // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. 2009. Iss. 3. P. 62-65.
3. Pyege – Gro N. Introduction to the theory of intertextuality. M.: LKI Publishing house, 2008. 240 pp.
4. Shklovsky V. On the theory of prose. M.: Sov. pisatel, 1983. 94 pp.
5. Tomashevsky B. Theory of literature. Poetics. M.: Aspect Press, 1996. 333 pp.
6. Bakhtin M. Problem of the material, contents and form in the verbal literary works. URL: <http://www.gumer.info/authors>.
7. Lotman Yu. Semiosphere. Culture and explosion. Inside thinking worlds. SPb.: Iskusstvo, 2000. 704 pp.